

Прожив там несколько дней, я немного привык к ритму жизни этих людей на каникулах. В целом, каждый жил сам по себе, не особо пересекаясь с остальными. Этот дом больше походил на обычное общежитие: отношения между четырьмя его обитателями нельзя было назвать ни далекими, ни по-настоящему близкими. Чжоу Сымин уходил рано и возвращался поздно, мы почти не виделись. Сы Ту иногда уходил по делам, а в остальное время брэнчал на гитаре внизу или возился с цветами в садике. Когда я приехал, там был лишь сухой, потрескавшийся клочок земли, а сейчас уже пробивались зеленые ростки. Син Янь тоже часто уходил, но без особого графика. Пару раз я выбирался вместе с ним: он просто бесцельно бродил по городу — иногда что-то покупал, а иногда, казалось, просто глазел по сторонам. Я не всегда следовал за ним, часто гулял сам. Этот незнакомый, но очень красивый город идеально подходил для одиночных прогулок, и я каждый день с удовольствием следовал заранее составленному плану. Хань Сяогун по сравнению с нами был настоящим домоседом; он редко выходил на улицу, жалуясь на жару и боясь загореть.

Такая жизнь мне нравилась, даже очень. Каждый был свободен.

Правда, здесь было куда жарче, чем на севере, и проводить время под открытым небом было тем еще испытанием. Даже я, человек, который никогда не следил за цветом кожи, почувствовал, что прилично подгорел, поэтому однажды купил себе пару кепок.

Когда я вернулся, Сы Ту сидел на корточках у цветника, возясь с зеленью. Увидев меня, он поздоровался:

— Вернулся? Почему это ты в кепке?

— Хоть какое-то спасение от солнца, — ответил я.

— Я бы посоветовал не носить ее, — Сы Ту побрызгал на растения из пульверизатора. — Если уж загорать, то пусть загар ложится равномерно.

— Давай я дам тебе средство от загара, помажешься, — донесся из гостиной голос Хань Сяогуна.

Я снял кепку и зашел внутрь:

— Не надо, оставь себе.

Хань Сяогун посмотрел на меня и хмыкнул:

— А где волосы?

— Состриг, — я почесал колючую голову. — Жарко.

Будучи парнем, вполне уверенным в своей внешности, я избавился от шевелюры без малейшего сожаления: сел в кресло и попросил подстричь под машинку. Стрижка «ежик» идет далеко не всем, но мое лицо позволяло — с новой прической и образ изменился.

Хань Сяогун, откинувшись на спинку дивана, посмотрел на меня снизу вверх и прищурился:

— Красавчик, брат. Сейчас такой типаж — самый ходовой, редкий экземпляр.

Я взглянул на него:

— Тогда и ты стригись.

Хань Сяогун взъерошил свои волосы и со смехом покачал головой:

— Это мой капитал.

Вечером, когда я возился с камерой в своей комнате, позвонил Син Янь. Я ответил:

— Что такое?

— Поел? — спросил он.

— Еще нет.

— Выходи.

Я приподнял бровь:

— Куда?

— К воротам, — ответил Син Янь.

Вечером солнца уже не было, и я, поленившись надевать кепку, просто вышел. Когда мы встретились, то посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

Син Янь спросил:

— Где твои волосы?

Я в ответ с улыбкой:

— А где твои?

Син Янь, державший до этого в руках телефон, убрал его в карман:

— Я каждый год стригусь.

После стрижки Син Янь тоже изменился. Было забавно за нами наблюдать: после бритья я стал выглядеть как-то агрессивнее, с легким налетом хулиганства. У Син Яня же, наоборот, исчезла его привычная холодная отстраненность, и взгляд стал мягче. Впрочем, это было обманчивое впечатление: стоило ему нахмуриться, как возвращался старый, угрюмый вид.

Мы сели на автобус и устроились на задних сиденьях. Кондиционер не работал, но окна были открыты, и вечерний воздух, прорывавшийся в салон во время движения, приятно освежал. Автобус медленно тащился минут сорок, отчего нас, двух парней с «ежиками», начало клонить в сон. Когда мы вышли, я даже не сразу сообразил, где мы находимся.

— Брат Янь, куда это ты собрался меня продать? — спросил я.

Син Янь неспешно зевнул:

— Похоже, сам забыл.

Я рассмеялся, и мы зашагали рядом. Два высоких парня, идущих плечом к плечу — картина выглядела весьма эффектно.

Син Янь привел меня в лапшичную. Заведение было маленьким, но выглядело совсем свежим.

— У этого места есть какая-то история? — поинтересовался я.

— А почему обязательно должна быть история? — Син Янь толкнул дверь и вошел.

— Мы проделали такой путь, я решил, что здесь есть что-то особенное.

Я последовал за ним. Он выбрал столик и сказал:

— Я ем здесь уже пятнадцать лет. Считается?

— Считается, — улыбнулся я. — Все, что рассказано вслух — уже история.

Лапшичную недавно отремонтировали, повесили новую вывеску и заменили мебель. Еда была вкусной, хотя и не привела меня в неописуемый восторг. Для многих местных жителей вкус этой лапши — это вкус долгих лет, сохранившаяся память. Син Янь рассказал, что когда он был маленьким, владельцами была молодая пара, а сейчас, говорят, их сын уже почти студент. Владельцы говорили с таким сильным акцентом, что я почти ничего не понимал. Син Янь же беседовал с ними без всяких усилий, хотя говорил на чистом путунхуа.

Когда после ужина мы не спеша брели к автобусной остановке, я спросил:

— Я ни разу не слышал, чтобы ты говорил на местном диалекте. Умеешь?

— Умею, — ответил он. — Местный же.

— Так почему не говоришь? — я посмотрел на него.

Син Янь сначала промолчал, а потом улыбнулся, глядя под ноги:

— По статусу не положено. Видел когда-нибудь, чтобы кто-то говорил на диалекте и не выглядел по-деревенски?

Его ответ сначала заставил меня замереть, а потом я расхохотался так, что не мог остановиться. Мне всегда казалось, что этот его пафос — часть самой натуры, что он с головы до ног пропитан холодной неприступностью. Услышать от Син Яня фразу «не по статусу» — это же крутой образ ломает!

Прохохотавшись, я спросил:

— Тяжело, небось, поддерживать имидж?

В голосе Син Яня тоже послышалась улыбка:

— Сойдет.

Прогулка после ужина была очень приятной. За эти дни мы с Син Янем стали намного ближе.

— Тебе здесь нравится? — спросил он.

— Очень, — я огляделся по сторонам, разглядывая пышные старые баньяны и неспешных прохожих. — Медленный темп, теплые цвета.

Син Янь промолчал. Я повернулся к нему:

— А тебе?

Он покачал головой, лицо его осталось бесстрастным, и он тихо произнес:

— Мне нет. Но я привык.

Когда он это сказал, мне вдруг стало как-то тоскливо. Я смотрел на его четкий подбородок и впервые почувствовал, как сильно он одинок.

— Если не нравится — уезжай, — тихо сказал я.

— Хм, — возможно, из-за хорошего настроения или того, что мы сблизились, он был сегодня разговорчивее прежнего. Он сорвал лист и начал крутить его в пальцах. — Как раз собираюсь.

Син Янь приложил лист к губам, попробовал дважды, и раздался чистый, звонкий свист. Я поднял брови. Он посмотрел на меня и сыграл на этом листе мелодию. Я был поражен, сорвал свой, очистил его и тоже приложил к губам, но у меня не вышло.

— Брось, — сказал Син Янь с листом во рту. — Я учился этому много лет.

— Научи меня, — попросил я.

Он покачал головой и безжалостно отказал:

— Не научу.

Я усмехнулся:

— Жадина.

Син Янь не ответил, продолжая выводить мелодию на листе. Что-то знакомое, но я никак не мог вспомнить, что это за детская песенка.

В тот вечер Син Янь показался мне другим. Не знаю, дело ли в его словах или в том, что он состриг волосы.

Когда я выключил свет и лег в постель, то отправил сообщение Хуа Туну.

Хуа Тун: Ты там чем занимаешься? Скинь хоть фоток глянуть.

Я отправил ему несколько снимков.

Хуашаньский красавец старый тун: Ты проехал тысячу с лишним километров, чтобы ходить по паркам с пенсионерами?

Я: Ага.

Хуашаньский красавец старый тун: Боюсь, мне такого просветления не достичь.

Я: Иди ты в сад к своим курам.

У бабушки Хуа Туна было полно домашней птицы, и когда бы он ни звонил, на заднем плане всегда стоял невероятный шум. Мы поболтали ни о чем, после чего он спросил:

— Где живешь?

Я: В одном старом доме.

Хуа Тун: В старом доме? Это гостевой дом?

Я: Типа того. Живу с Син Янем, Чжоу Сымином и еще парой друзей.

<http://bllate.org/book/18141/1744604>